

А. С. Веретнов

Иркутский государственный университет

**Интерпретация пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад»
в романе А. Геласимова «Год обмана»**

Статья посвящена проблеме интерпретации пьесы Антона Павловича Чехова «Вишневый сад» в постмодернистском романе А. Геласимова «Год обмана». На примере романа Андрея Геласимова «Год обмана» рассматривается включение драматического текста в эпический, а также основные сложности восприятия данной пьесы неподготовленным зрителем. В связи с этим приводится история интерпретации пьесы «Вишневый сад» современниками Антона Павловича Чехова, расхождение мнений автора и режиссеров первой постановки (К. Станиславского и В. Немирович-Данченко). Высказываются основные точки зрения литературоведов на жанр и конфликт пьесы. Рассматриваются образы второстепенных персонажей (Пети Трофимова и Шарлотты). Доказательно утверждается, что роль Шарлотты Ивановны важна для «правильной» интерпретации пьесы.

Ключевые слова: А. П. Чехов, А. Геласимов, интерпретация, интертекст, цитация, жанр, конфликт, театральная постановка.

Художественное наследие Антона Павловича Чехова «по-прежнему остается одной из наиболее востребованных эстетических систем у авторов рубежа XX–XXI веков» [Макарова, 2012, с. 10]. Т. А. Скокова пишет, что «писатели-постмодернисты считают Чехова своим вдохновителем и чуть ли не предтечей постмодернизма» [Скокова, 2010, с. 73]. Литературоведы О. В. Журчева и Ю. В. Доманский считают, что его пьесы являются важнейшим источником креативной рецепции и творческой рефлексии как для драматургов, так и для прозаиков [Доманский, 2005, с. 80; Журчева, 2011, с. 170].

Т. А. Мищенко указала, что «наиболее активной “доработке” и “переработке” подверглись пьесы А. П. Чехова “Три сестры”, “Дядя Ваня”, “Вишневый сад”, “Чайка”» [Мищенко, 2009, с. 20]. Эти пьесы стали литературным фундаментом для таких драматических произведений, как «Чайка» Б. Акунина, «Вишневый сад Станиславского» О. Богаева, «Мой вишневый садик» А. Слаповского и других.

Веретнов Андрей Сергеевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета (ул. Чкалова, 2, Иркутск, 664025, Россия; franzvolant@mail.ru)

Если посмотреть на эпические произведения, то отсылки к чеховской пьесе «Вишневый сад» можно найти в романе Андрея Геласимова «Год обмана».

Цель данной статьи – на примере интерпретации пьесы «Вишневый сад» персонажем романа – ответить на вопрос: почему пьесы Чехова воспринимаются, как скучные и печальные произведения? Для этого нужно решить следующие задачи: рассмотреть пример включения драматического текста в эпический текст; выявить функции такого включения; соотнести современную интерпретацию чеховской пьесы в романе Геласимова с традиционной театральной интерпретацией.

Роман рассказывает нам о приключениях Михаила – обыкновенного молодого человека, «обаятельного неудачника», «прожигателя жизни», так называемого героя нашего времени. Он влюбляется в одну молодую талантливую актрису, которую зовут Марина, и начинает ухаживать за ней. Однажды она приглашает Михаила к себе на дачу.

Там он замечает веселую компанию молодых людей за «большим столом рядом с крыльцом между двумя березами» [Геласимов, 2004, с. 80] – к Марине приехали ее друзья. Главный герой подсаживается к ним и слушает разговор. Друзья ведут себя странно: один рассуждает о том, что «если бы энергию, которую человек в течение всей своей жизни тратит на поиски денег, направить на что-нибудь другое, можно перевернуть землю», другой «начинает лихорадочно обшаривать свои карманы» – потерял деньги [Там же, с. 81]. Потом Марина показывает карточные фокусы. Подбежав к Михаилу, она просит его загадать карту. Михаил говорит: «Туз червовый» и тут же узнает, что попал на репетицию пьесы «Вишневый сад» (а точнее, «самого начала третьего действия» [Там же, с. 82]), что он, не являясь специалистом в области русской литературы, принял реплики литературных персонажей (Трофимова, Пищика, Раневской и Шарлотты) за разговор обыкновенных людей.

В данном романе происходит «цитация», «включение текста драмы в эпический текст» [Доманский, 2005, с. 82]. Цитаты из пьесы «Вишневый сад» узнает только «проницательный читатель», но не Михаил. А. Геласимов «играет» с классическим текстом – скрывает «включение драмы в роман» за обыкновенной жизненной ситуацией: молодые неопытные актеры пытаются отрепетировать пьесу Чехова. Естественно, они прилагают попытки прочесть ее по-своему, что-то изменить в ней, например место действия. В отличие от пьесы, в романе сцена происходит не в «гостиной, отделенной аркой от зала» [Чехов, 1970, с. 347], а на даче у Марины за «большим столом прямо среди деревьев» [Геласимов, 2004, с. 80]. Как мы видим, дополняются декорации: в пьесе у Чехова не был упомянут стол, за которым сидели персонажи. В романе Геласимова «на столе была почти пустая бутылка “Киндзмараули”, несколько стаканов, тарелка с сыром и плетеная корзинка для фруктов» [Там же]. «Киндзмараули» – это современное красное полусладкое вино, которое точно не производилось во времена Чехова – следовательно, есть попытка «осовременить» пьесу.

«Осовремениваются» и диалоги персонажей. Смысл, заключенный в них, не меняется, меняются только «приметы времени». Например, молодые актеры изменяют в тексте пьесы обращение на «вы» на обращение на «ты»:

«Если бы энергия, которую вы в течение всей вашей жизни затратили на поиски денег для уплаты процентов, пошла у вас на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце концов вы могли бы перевернуть землю» [Чехов, 1970, с. 348].

«Если бы энергия, которую ты в течение всей своей жизни затратил на поиски денег, пошла у тебя на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце концов ты мог бы перевернуть землю» [Геласимов, 2004, с. 81].

Актеры убирают из текста «реалии, более характерные для начала XX века, нежели для начала XXI в.» [Доманский, 2005, с. 84]: упоминание о слугах (фраза Раневской к Дуняше: «Дуняша, предложите музыкантам чаю» [Чехов, 1970,

с. 348]), уплату процентов. Есть попытка «приобщить» текст пьесы к ритму современной жизни, сделать его более простым и кратким: некоторые части фраз вычеркиваются (например, «вот вам колода карт», «о мой милый господин Пищик»).

Михаил знакомится с актерами, те принимают его в свою компанию. Он присутствует на репетициях и через некоторое время начинает высказывать свое «наивное» мнение по поводу пьесы Чехова, интерпретировать ее со своей точки зрения.

Во-первых, он не понимает, почему пьесу называют комедией. «Вишневый сад» – это пьеса ни о чем, считает Михаил, она скучна и поэтому не является комедией. Большую часть времени актеры «ходят из угла в угол со скучными лицами и произносят длинные монологи», «со скучными лицами сидят на стульях, смотрят друг на друга и куда-то под потолок» [Геласимов, 2004, с. 101]. Михаил смеет критиковать систему К. С. Станиславского: актеры «делают долгие паузы» – «видимо им нравится вот так помолчать» – а потом восклицают: «Гениально! Просто гениально! Чехов был гений!» [Там же, с. 102]. «А что гениально?» – спрашивает Михаил. Актеры не дают ответа. «Чехов был гений, и все тут!» – говорят они.

Во-вторых, Михаил не понимает, в чем конфликт пьесы. Когда актеры после репетиции спрашивают его: «Ну, как тебе?», он отвечает, что «Вишневый сад» – «очень актуальная, жизненная вещь», но ему «непонятно, чего им всем надо». «Смысл какой им собираться? – спрашивает он. – Они же не на работу туда приходят» [Там же, с. 103].

Итак, Михаил посчитал великую пьесу скучной, оправдывая мнение «наивного» читателя о том, что «Чехов – плохой драматург». А. Г. Бондарев объясняет этот известный миф так: «драматургия Чехова вызывает наибольшее раздражение читателей» «несовпадением настроения эпохи и настроения пьес Чехова» и «ироничным позитивизмом современности» [Бондарев, 2008, с. 80]. Можно также сослаться на то, что Михаил пьесу не понял, так как был необразован, на то, что «современное поколение книг не читает», что «современное поколение далеко от литературы» и на этом закончить объяснение.

Но Михаил не такой «наивный», как кажется на первый взгляд. Он отгадал одну из реплик: «правильно» ответил на вопрос Шарлотты («Туз червовый»). Естественно, можно назвать это «постмодернистской игрой с прозорливым читателем» [Доманский, 2005, с. 83]. Но как раз «прозорливый читатель», обратив внимание на данную цитату, начинает внимательнее присматриваться к точке зрения Михаила, к его способу интерпретации, вспомнив пословицу «устаами младенца глаголет истина».

Да, персонаж А. Геласимова ироничен, но не только из-за этого пьеса кажется ему скучной. Заметим, что Михаил больше рассуждает об игре актеров, чем о тексте пьесы. Вспомним тот факт, что А. П. Чехов писал произведение для сцены и многое зависело от сценической постановки. Первая постановка пьесы стала образцом для подражания. Станиславский и Немирович-Данченко «понимали жанровое определение комедия традиционно» [Сухих, 2007, с. 18] и «увидели в пьесе «трагедию разорения дворянских гнезд» [Бушканец, 2010, с. 83]. Чехов же «не был согласен с интерпретацией мхатовцами жанра пьесы как драмы» [Химич, 2011, с. 69].

В чем же комичность? С. Балухатый указывал на «большой ряд комических персонажей и комических ситуаций» [Балухатый, 1935, с. 100]. А. Карпова, Е. Позднякова писали, что «драматическое осуществляется в органическом смешении с комическим» [Карпова, 2010, с. 13], так как «Чехов никогда не отделял их от сплошного потока жизни» [Позднякова, 2014, с. 143]. Н. И. Фадева находила в пьесе «трагикомическую иронию» [Фадеева, 1996, с. 24]. Их точку зрения дока-

зывает высказывание самого Чехова: «в исчезновении из деревни дворянина-помещика и вырубке “вишневого сада” нет ничего плохого» [Ковалевский, 1986, с. 447].

«А в чем же конфликт?» – спрашивает Михаил. Неправильный подбор ролей в классической постановке пьесы повлиял на интерпретацию. Так как главный упор был сделан на фигурах Раневской и Гаева, конфликтом долгое время считалась обреченность дворянства перед будущим. По мнению же современных чеховедов, в пьесе главным противостоянием является оппозиция «человек – время» [Сухих, 2007, с. 18] – «потребность души в гармоничном устройстве жизни и невозможности подобного состояния в реальности» [Химич, 2011, с. 69].

Итак, пьеса кажется Михаилу (и любому другому «наивному театралу») скучной, потому что режиссеры и актеры сделали ее такой. Молодые актеры из романа А. Геласимова хоть и внесли некоторые свои поправки, но все же играли пьесу «по Станиславскому», то есть «неправильно». Вспомним реакцию Михаила на игру одного актера: исполнитель роли Пети Трофимова, произнося свои реплики, сидит за столом и «неопределенно вертит пустым стаканом в воздухе». Михаил же думает о нем: «Эквилибрист несчастный. Жонглировал бы у себя дома своими стаканами» [Геласимов, 2004, с. 82].

Но данная постановка пьесы не является «совсем скучной». Некоторые элементы пьесы, некоторые роли «получились»: Михаил испытал так называемый катарсис. Была эмоциональная реакция на высказывание Пети Трофимова «о затраченной энергии» («Кто его знает, может, и правда, все мы давно были бы уже какими-нибудь там гениями. Если бы из-за бабок не грузились так конкретно...» [Там же, с. 81], а также на потерю денег Пищиком (Михаил «со всеми стал беспокоиться»). Данные ситуации злободневны, так как крутятся вокруг вечного понятия «деньги, и как их достать». Можно сказать, что с этой точки зрения Чехов понятен «наивному» зрителю.

К образу Пети Трофимова Михаил относится иронично: «вечный студент» в его понимании – «натуральный отморозок» [Там же, с. 103], говорящий всякую чепуху (естественно, Михаил судит с точки зрения современной жизни): что «человечество идет вперед, совершенствуя свои силы», что «рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота» [Там же]. Это, с точки зрения Михаила, персонаж комический, его речи стоит воспринимать как «бред шута».

Роль Шарлотты заставила Михаила почувствовать то, что хотел показать А. П. Чехов – соединение трагического и комического в пьесе. Ведь на Шарлотту надета «полупрозрачная шутовская маска, скрывающая глубочайшее одиночество» [Бердников, 1983, с. 143], она смешит всех, но никто ее не понимает. Именно поэтому А. П. Чехов считал ее «лучшей ролью в пьесе» и «чрезвычайно переживал за будущую сценическую трактовку этой роли» [Захаров, 2014, с. 82]. Скафтымов писал о Шарлотте: «В других лицах нет столь открытой драмы осознанного одиночества» [Скафтымов, 1972, с. 370]. Ей «тяжко даются обыкновенные, “бытовые” связи», она «маскирует свое одиночество чудачествами». Шарлотта не только «связывает драму и трагедию», но и «пытается помочь окружающим ее персонажам – смешит» [Захаров, 2014, с. 81].

Но режиссеры классической постановки «Вишневого сада» не понимали значения этого персонажа, – и пьеса «не получилась». Из второго акта вырезали важную сцену разговора Шарлотты и Фирса, Шарлотту сыграла не «актриса с юмором» [Балухатый, 1935, с. 170] О. Книппер, как хотел Чехов, а Муратова – и получилась «несмешная, претенциозная Евдоксия» [Чехов, 1982, с. 602].

Михаил же, увидев Марину в роли Шарлотты, почувствовал чеховское соединение трагического и комического: «Сначала она с улыбкой вспоминала свое детство и то, как “отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень

хорошие». Но в следующее мгновение по ее лицу пробежала тень, она опускала глаза и говорила, что «папаша и мамаша» теперь умерли. Каждый раз, как она начинала этот небольшой монолог, я испытывал к ней такую жалость, что с трудом мог смотреть в ее сторону. Приходилось отворачиваться и говорить себе, что это всего лишь пьеса, которой к тому же недавно исполнилось сто лет...» [Геласимов, 2004, с.103]. Это говорит об одном: актриса на роль Шарлотты была подобрана подходящая – «актриса с юмором», как завещал Чехов.

Сама Марина сочетает в себе трагическое и комическое. Эта пьеса для нее «дело личное», ее судьба схожа с судьбой Шарлотты. Это признает и Михаил: «В этой сцене ей даже не надо было ничего играть. В словах, которые написал для нее Чехов, было так много ее самой, что они выходили у нее совершенно естественно» [Там же, с. 103]. В начале романа она предстает перед нами веселой и жизнерадостной, заводит бурные романы, катается на лошадах. Потом происходит горе – умирает ее отец. Она меняется, становится совсем другой: «Марина заметно осунулась и похудела. Глаза на бледном лице казались теперь значительно больше» [Там же, с. 73]. Но несмотря на это, она не замыкается в себе, весело общается с друзьями, играет в театре. Наиболее ярко ее «чеховское» трагикомическое мировоззрение показывается в разговоре с Михаилом, где она сообщает ему о смерти отца. Отец Марины, по ее словам, «шел по улице и умер», потому что «у него было плохое сердце» – он «не доверял врачам, считал, что они вытягивают из него деньги», даже «один раз он кинул в терапевта поднос для шприцев».

Подведем итоги. А. Геласимов «играет» с чеховским текстом в романе «Год обмана», объясняя известный миф о том, что «Чехов – плохой драматург», «неправильной» традиционной театральной интерпретацией пьесы «Вишневый сад». Традиционная «театральная» интерпретация пьесы и «нечеховский» подбор актеров на роли оказали огромное влияние на рецепцию этого художественного произведения «наивным читателем» во времени. Именно наивный читатель в любую эпоху считает пьесу «Вишневый сад» скучной, а ее автора называет «певцом печали». Вместе с тем А. Геласимов соотносит «времена и нравы» начала XIX и конца XX в. и выявляет экзистенциальную общность судеб своих и чеховских героев.

Список литературы

- Балухатый С. Д., Петров Н. В.* Драматургия Чехова. Харьков: Изд-во Харьковского театра русской драмы, 1935. 203 с.
- Бердников Г. П.* Раздумья о высшей правде // Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы. М.: Дет. лит., 1983. С. 102–160.
- Бондарев А. Г.* Чеховский миф в современной поэзии: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 186 с.
- Бушканец Л. Е.* Стилистика народного театра в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 78–85.
- Геласимов А.* Год обмана. М.: ОГИ., 2004. 256 с.
- Доманский Ю. В.* Вариативность драматургии А. П. Чехова: Моногр. Тверь: Лилия Принт, 2005. 160 с.
- Журчева О. В.* Рецептивные стратегии в новейшей драматургии: инвариант и вариативность // Современная российская и немецкая драма и театр. Казань: РИЦ, 2011. С. 168–178.
- Захаров К. М.* «Шарлотта знак вопроса». Игра и судьба Шарлотты Ивановны // Изв. Саратов. ун-та. 2014. № 1. С. 80–83.

- Карпова А. Ю.* Комедиография А. А. Чехова в контексте «новой драмы» // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 8. С. 11–15.
- Ковалевский М. М.* Об А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович; Вступ. ст. А. М. Туркова. М.: Худож. лит., 1986.
- Макарова В. В.* Чеховский интертекст в современной российской драматургии (1980–2010): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Мищенко Т. А.* Традиции А. П. Чехова в современной русской драматургии: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 172 с.
- Позднякова Е. А.* О жанровом своеобразии пьес А. П. Чехова // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2014. Т. 20, № 1. С. 142–145.
- Скафтымов А. П.* О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 330–378.
- Скокова Т. А.* Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 168 с.
- Сухих И. Н.* Антон Павлович Чехов (1860–1904) // Звезда. 2007. № 12. С. 12–20.
- Фадеева Н. И.* Трагикомедия. Теория жанра: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 36 с.
- Химич В. В.* Специфика конфликта и жанр пьесы А. Чехова «Вишневый сад» // Филологический класс. 2011. № 25. С. 67–71.
- Чехов А. П.* Вишневый сад: Комедия в 4 действиях // Чехов А. П. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1970. С. 317–370.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 11. М., 1982.

A. S. Veretnov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation; franzvolant@mail.ru

**Interpretation of a play of A. P. Chekhov «The Cherry Orchard»
in the novel of A. Gelasimov «The Year of Deception»**

The paper deals with the interpretation of a play of Anton Pavlovich Chekhov «The Cherry Orchard» in the postmodern novel of Andrew Gelasimov «Year of Deception». The inclusion of the dramatic text in the epic text as well as the main challenges of the play perception by unprepared viewer are considered. In this regard, the history of interpretation of the play «the Cherry orchard» by contemporaries of Anton Pavlovich Chekhov and the differences of opinion of the author and the directors of the first production (K. Stanislavsky and V. Nemirovich-Danchenko) are shown. The main views of literature on structural elements of such plays as «genre» and «conflict» are given. The images of secondary characters (Petya Trofimov and Charlotte) are considered. It is proved that the role of Charlotta Ivanovna is important for the «correct» interpretation of the play.

Keywords: A. P. Chekhov, A. Gelasimov, interpretation, intertext, citation, genre, conflict, theatrical performance.

DOI 10.17223/18137083/58/11

References

- Balukhatyy S. D., Petrov N. V. *Dramaturgiya Chekhova* [Chekhov's dramaturgy]. Kharkov, Kharkov Russian Drama State Theatre Publ., 1935, 203 p.

- Berdnikov G. P. Razdum'ya o vysshey pravde [Thinking about the higher truth]. In: *Vershiny: Kniga o vydayushchikhsya proizvedeniyakh russkoy literatury* [Top points: the book about the outstanding works of Russian literature]. Moscow, Det. lit., 1983, pp. 102–160.
- Bondarev A. G. *Chekhovskiy mif v sovremennoy poezii* [The Chekhov's myth in modern poetry]. Philol. Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2008, 186 p.
- Bushkanets L. E. Stilistika narodnogo teatra v p'ese A. P. Chekhova "Vishnevyy sad" [The Stylistics of a Folk Theatre in Anton Chekhov's play "The Cherry Orchard"]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2010, vol. 152, iss. 2, pp. 78–85.
- Chekhov A. P. Vishnevyy sad: Komediya v 4 deystviyakh [Chekhov A. P. The Cherry orchard: Comedy in 4 acts]. *Chekhov A. P. Sobr. soch.: V 8 t. T. 7* [Chekhov A. P. Collected works: in 8 vols. Vol. 7]. Moscow, Pravda, 1970, pp. 317–370.
- Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. Pis'ma: V 12 t. [Complete works and letters. Letters: in 12 vols]. Moscow, Nauka, 1974–1983, vol. 11, 1982.
- Fadeeva N. I. *Tragikomediya. Teoriya zhanra* [Tragicomedy. The theory of the genre]. Abstract of Philol. Dr. Diss. Moscow, 1996, 36 p.
- Gelasimov A. *God obmana* [The year of deception]. Moscow, O.G.I., 2004, 256 p.
- Domanskiy Yu. V. *Variativnost' dramaturgii A. P. Chekhova: monogr.* [Variability of Chekhov's dramaturgy: monogr.]. Tver, Liliya Print, 2005, 160 p.
- Karpova A. Yu. Komediografiya A. A. Chekhova v kontekste "novoy dramy" [Komediograf of Chekhov in the context of "new drama"]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2010, iss. 8, pp. 11–15.
- Khimich V. V. Spetsifika konflikta i zhanr p'esa A. Chekhova "Vishnevyy sad" [The specificity of the conflict and genre of the play of Chekhov "The Cherry orchard"]. *Filologicheskyy klass*. 2011, no. 25, pp. 67–71.
- Kovalevskiy M. M. Ob A. P. Chekhove [About A. P. Chekhov]. In: *A. P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A. P. Chekhov in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Khudozh. lit., 1986.
- Makarova V. V. *Chekhovskiy intertekst v sovremennoy rossiyskoy dramaturgii (1980–2010)* [Chekhovian intertext in a modern Russian drama (1980–2010)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2012.
- Mishchenko T. A. *Traditsii A. P. Chekhova v sovremennoy russkoy dramaturgii* [The tradition of Chekhov in modern Russian drama]. Philol. Cand. Diss. Astrakhan, 2009, 172 p.
- Pozdnyakova E. A. O zhanrovom svoebrazii p'es A. P. Chekhova [Genre originality of Chekhov's plays]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, vol. 20, no. 1, pp. 142–145.
- Skaftymov A. P. O edinstve formy i sodержaniya v "Vishnevom sade" A. P. Chekhova [The unity of form and content in "The Cherry orchard" of Chekhov]. In: *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley* [Moral survey of Russian writers]. Moscow, 1972, pp. 330–378.
- Skokova T. A. *Proza Lyudmily Ulitskoy v kontekste russkogo postmodernizma* [The prose of Lyudmila Ulitskaya in the context of Russian postmodernism]. Philol. Cand. Diss. Moscow, 2010, 168 p.
- Sukhikh I. N. Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904) [Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904)]. *Zvezda*. 2007, no. 12, pp. 12–20.
- Zakharov K. M. "Sharlotta znak voprosa". Igra i sud'ba Sharlotty Ivanovny ["Charlotte is a question mark". Game and fate of Charlotta Ivanovna]. *Izvestiya of Saratov University*. 2014, no. 1, pp. 80–83.
- Zhurcheva O. V. Retseptivnye strategii v noveyshey dramaturgii: invariant i variativnost' [Receptive strategies in the latest dramatic art: invariant and variation]. In: *Sovremennaya rossiyskaya i nemetskaya drama i teatr* [Modern Russian and German drama and theatre]. Kazan, RITs, 2011, pp. 168–178.